

Е.П. Дубровин

Беседы за чаем в семье Погребенниковых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
Е11

E11 **Е.П. Дубровин**
Беседы за чаем в семье Погребенниковых / Е.П. Дубровин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-458-04064-8

Дубровин писал обо всем. Темы его книг разнообразны. Но о чем бы он ни писал – его рассказ всегда был о Любви. Его книги трогают, веселят, выбивают слезу, заставляют думать. И они наполнены ровным, теплым ветром. Тем самым ветром, который приносит зов...

ISBN 978-5-458-04064-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© Е.П. Дубровин, 2024

Евгений Дубровин
Беседы за чаем в семье
Погребенниковых

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

«Гуманизм – основа нравственного воспитания»

Глава семьи Виктор Степанович Погребенников отхлебнул из чашки чая и ушел в себя. Он всегда уходил в себя после первого глотка. Жена Погребенникова Ира Ивановна и сын Славик тоже отхлебнули в молчании. Значит, чай удался.

Отец сделал второй глоток, на этот раз шумный и длинный. Затем он откинулся на спинку стула и оглядел кухню в поисках темы для беседы. Ира Ивановна тоже осмотрелась. Но все предметы как темы для бесед были давно исчерпаны. Ира Ивановна вздохнула и скользнула взглядом по столу. Ее внимание задержалось на пачке хрустящих хлебцев.

– Возьми хлебец, – сказала мама Погребенникова мужу. – На днях я читала, что сухой хлеб ускоряет прохождение пищи по тракту.

Виктор Степанович взял сухарь, откусил и поморщился.

– Может быть, и ускоряет, но дерет десны, – сказал глава семьи недовольно. – Хлебцы да хлебцы… Я же сто раз просил купить мне овсяное печенье. Оно содержит… не помню уж сколько, но очень много полезных компонентов. Неужели трудно сходить в магазин?

– Мне только и дел, что помнить про твое печенье, – сказала Ира Ивановна. – У меня на этой неделе три порубки и застреленный лось. А мехсредств нет. Мотаешься как заводная.

Отец перевел взгляд на сына.

– А Славик? Мог бы, Его Королевское Величество, и сходить для отца за овсяным печеньем. Смотри, какой жираф! Восьмой класс! Подумать страшно! Да я в его годы…

Славик не спеша доел столовую ложку вишневого варенья (привычка есть варенье столовой ложкой осталась с детства), облизнул губы и изрек:

– Далось тебе, старик, это овсяное печенье. Пил бы отвар шиповника. Сейчас все, кто хочет потреблять полезные компоненты, пьют отвар шиповника.

Виктор Степанович слегка покраснел.

– Почему ты всегда умничаешь? Раз отец попросил тебя купить овсяное печенье, надо сходить и купить.

Славик с глухим клекотом, похожим на бормотание рассерженного индюка, выпил сразу полчашки.

– У меня нет ни одного знакомого, который бы пил чай с овсяным печеньем, – донеслось сквозь клекот.

Мать посмотрела на сына укоризненно.

— Я ем овсяное печенье, и этого вполне достаточно. — Папа Погребенников сердито откусил хрустящий хлебец.

— Значит, стариk, ради тебя должна работать вся хлебоовсяная промышленность?

— Да, должна! — пapa Погребенников хлопнул ладонью по столу.

Никто не испугался. Только чайная ложечка малодушно удрала со стола на пол.

— Ну раз так... — сын пожал плечами.

— Мог бы и сходить для отца за овсяным печеньем, — сказала инспектор охраны природы примирительно, поднимая смалодушничавшую ложечку. — Небось не развалился бы. Отец день и ночь пишет диссертацию...

Младший Погребенников фыркнул:

— Подумаешь, сейчас каждый пишет диссертацию. Да еще про каких-то жучков... Ребенок сможет. Наловил жучков...

— Что?! — набычился Виктор Степанович. — Жучков?!

— Я говорю... этих... как их...

— Долгоносиков, — подсказала мама Погребенникова.

— Вот именно, — обрадовался Его Королевское Величество. — Я этих самых и имел в виду. Что же здесь обидного? Долгоносики — это ведь тоже жучки.

— Какие к черту долгоносики! — вскипел ученый. — Я десять лет корплю над докторской диссертацией, а вы даже не соизволили узнать тему!

Славик столовой ложкой, на которой виднелись следы его языка, нацелился на торт (тоже привычка с детства).

— Стариk! — воскликнул он возмущенно. — Как можно так говорить! Не знаю, как мать, но я прекрасно помню тему твоей диссертации. Вот, пожалуйста... Влияние... Как это... Дай бог памяти... Вот черт! В общем... влияние каких-то там жучков... трутни, что ли... Влияние трутней на древесину! Вот!

— Не на древесину вообще, а на конкретную осину в частности, — поправила мама Погребенникова.

— Боже мой, — простонал Виктор Степанович. — Десять лет... День и ночь... И никому это не надо...

— Надо народному хозяйству, — сказала Ира Ивановна. — Мужчины, намазывайте хлебцы маслом. Очень вкусно... Кроме того, жукам, долгоносикам этим, надо.

Молодой Погребенников с силой проткнул вилкой хлебец, положил его на чашку и через отверстие попытался высосать чай. Получился тревожный крик ночной электрички.

– Зачем же нужна эта отцова диссертация долгоносикам? – удивился Славик. – Он станет травить их химикатами. Очень это жукам интересно.

– Вика, разве ты их травить собираешься? – с удивлением спросила Ира Ивановна. – Я всегда считала, что ты идешь по ветеринарной части – лечить полезных насекомых будешь.

– Полезных насекомых нет. Все они сволочи, – сказал Его Королевское Величество.

– А муравьи? – спросила мать, прожевав хлебец с маслом.

– Муравьи тоже сволочи.

– Вот еще. Муравьи – санитары леса.

– Волк тоже санитар, а попадись ему в зубы… – парировал Славик.

– Ну, то волки… И то они сейчас стали мирными. Питаются отбросами на свалках и подружились с собаками.

– Собак тоже проучить надо, – заметил молодой Погребенников. – Совсем обнаглели. Путаются под ногами. Куда ни пойдешь, одни собаки. В магазин пойдешь – собаки, на лавочке посидеть – собаки, в автобусе – собаки. Недавно мы на Останкинскую башню полезли, сели за этот самый вертящийся столик, глядим – и там собака. Сидит, сволочь, цыпляту-табака жрет. Еле сдержался, чтобы не двинуть в ухо.

Папа Погребенников сердито вонзил нож в торт.

– Вот твое воспитание, – повернулся он к жене. – Уже докатился до избиения животных. Болтаешь с ним о разных жестокостях. Ничего не видишь, кроме своих браконьеров.

– Браконьеров тоже надо кому-то раскрывать, – нравоучительно сказала мама Погребенникова.

– Ты раскрываешь их слишком рьяно, а муж у тебя целый год сидит без овсяного печенья, – сказал Виктор Степанович неосторожно.

Мама Погребенникова с вызовом посмотрела на папу:

– Да, рьяно! Зато кривая преступности в моем районе… Заведующий так и сказал на совещании: «Кривая браконьерства в районе Погребенниковой… резко загнулась». Понял?

– Но ты же сидишь в управлении.

– Это неважно, – гордо сказала мама.

На это Виктору Степановичу было нечего сказать. Он сходил к плите и демонстративно долил одному себе кипятку. Наступило молчание. Между тем Славик зажал пальцами косточку от вишневого варенья и нацелился на люстру.

– На-ша ма-ма ми-ли-цио-нер, – сказал он нараспев каким-то нахальным, обидным голосом.

– Что ты сказал? – встрепенулась Ира Ивановна. Она очень ревниво относилась к престижу своей профессии.

– Ничего особенного, – пожал плечами молодой Погребенников. – Просто я хотел сказать, что мамы всякие важны, мамы всякие нужны.

– Посмотрим, кем станешь ты. – Ира Ивановна обидчиво поджала губы.

– Я стану браконьером. Может быть, тебе придется меня ловить! – брякнул Его Королевское Величество.

– Прекрати трепаться! – вдруг вспылил глава семьи.

Мама Погребенникова аж подскочила от неожиданности. Славик поморщился:

– Стариk, зачем кричать? У меня прекрасный слух.

– Прекрати называть меня стариком! – опять рявкнул Виктор Степанович. – Сколько можно тебе вдалбливать!

– Как же тебя называть?

– Папой! Вот как!

– Хорошо, буду называть папой, – сказал младший Погребенников примирительно. – Хотя это сейчас смешно.

– Перестань кричать и бить по столу, – сделала Ира Ивановна замечание мужу. – Ты воспитываешь по старинке. Нужны современные методы.

– Какие? – спросил глава семьи.

– Ну... надо быть терпеливым... и вообще... Нам не мешало бы выписать «Семью и школу», там, наверно, все написано.

– Безусловно, – сказал Славик и стрельнул вишневой косточкой в люстру. – Меня надо убеждать. Кстати, вы зря не читаете педагогической литературы. Мы с пацанами иногда просматриваем. Очень интересно. Там пишут: даже с преступниками надо обращаться гуманно. А ты, папа, обращаешься со мной грубо, кричишь, стучишь ладонью по столу.

Мама Погребенникова, не слушая сына, с ужасом смотрела вверх. Виктор Степанович тоже уставил взгляд ввысь. Вишневая косточка, запущенная Славиком, отскочила от люстры, прошлась рикошетом по шторе и ушла в направлении буфета, оставив на белоснежной шторе кроваво-красный, раскаленный, космический след.

– Три дня как повесила, – прошептала бедная хозяйка, и слезы заполнили ее глаза. – Импортные... Девочки из универмага с таким трудом... А этот негодяй... Шляпа ты, а не отец! – закричала Ира

Ивановна, забыв про современную методику воспитания. – Сидишь, развесил уши, а он издевается над нами! Гробит наше имущество! Недавно изрезал ножом журнальный столик! Спроси, зачем он его изрезал? Спроси!

– Зачем ты изрезал журнальный столик?

Славик пожал плечами.

– Ей-богу, не помню, стариk... пардон... папа.

– Видишь, он даже не помнит! Для него это мимолетный эпизод! А этот столик пятьдесят рублей стоит! Да ты отец или нет? Возмутись, наконец!

Энтомолог сердито засопел и дернул сына за ухо. Тот криво усмехнулся.

– Дожили. Физическая расправа.

– Да! – закричал энтомолог. – Физическая расправа! Только физическая расправа! Куплю кнут и буду драть кнутом! Сразу шелковым станешь!

– Интересно, где ты достанешь кнут? – поинтересовался младший Погребенников. – Может, возьмешь в музее на прокат? Так за порчу казенного имущества, имеющего историческую ценность...

– Понес, понес! Дерни его за второе ухо, мерзавца, – приказала инспектор охраны природы мужу. – Мне теперь в химчистку шторы тащить, терять полдня! А меня на шее две убитые косули!

Глава семьи тяжело приподнялся и дернул сына за второе ухо. Его Королевское Величество потер покрасневшее ухо и опять скривил губы в усмешке.

– Непедагогично, – сказал он укоризненно. – Очень непедагогично. В литературе антигуманные методы осуждаются. Вот напишу в «Учительскую газету», приедет корреспондент, будете знать.

– Это зверь, а не ребенок! – воскликнула Ира Ивановна и выбежала из кухни.

– Драть! Только драть! – глава семьи поднялся со стула и двинулся на сына.

– Вика! – закричала жена из комнаты. – Иди немедленно сюда!

– Одну минуточку. Только сейчас тресну по шее... этого демагога... Распустился дальше некуда, негодяй...

– На, бей! – подставил шею младший Погребенников. – Бей, только посильнее, чтобы медицинская экспертиза могла установить факт нанесенияувечий.

– И ударю! Пусть увечным будешь, зато человеком!

– Вика! – крик Иры Ивановны стал тревожным. – Иди сюда немедленно! Брось все!

Глава семьи торопливо вышел из кухни:

- Что случилось?
- Закрой дверь.

Виктор Степанович торопливо закрыл дверь и с тревогой посмотрел на жену. Вид у нее был возбужденный, щеки горели, и вообще сейчас Ира Ивановна помолодела лет на десять. Виктор Степанович даже вздохнул: так явственно вспомнил, как он ухаживал за юной наивной девочкой с юридического факультета.

– «Смирновское дело», – прошептала мать, оглядываясь на дверь.
– «Смирновское дело»? Что ты этим хочешь сказать? Я знаю про «уотергейтское дело». Но при чем здесь...
– Вспомни, когда к нам пришли в гости Смирновы...

Виктор Степанович вспомнил и похолодел. Несколько месяцев назад к ним зашли старые знакомые Смирновы. Как водится в таких случаях, Виктор Степанович сбежал в магазин, и пошли воспоминания. В самом начале застолья в комнату вошел младший Погребенников и сказал:

– Завтра у меня контрольная по английскому. Шли бы вы лучше в кафе. И дешевле, и модно, и посуду мыть потом не надо.

Смирновы сразу закричали: дескать, смотрите, какой умный мальчик, современный, раскрепощенный – но папе Погребенникову слова сына не понравились. Что это за нахальство – входить при посторонних людях в комнату и делать замечания отцу? Попробуй он раньше, когда был маленький, сделать замечание своему родителю, немедленно бы получил по одному месту.

Виктор Степанович стал вспоминать, как помогал отцу ковать лемех. Надо было надувать мех, а мех был огромный. Сам же Виктор Степанович в то время представлял собою щуплое голодное послевоенное создание, больше похожее на тех жучков, против которых он сейчас борется, чем на мальчишку. И поэтому приходилось виснуть на рукоятке меха всем телом, трепыхаться на ней, чтобы сдвинуть эту проклятую рукоятку с места.

Однако он, Виктор Степанович, чувствовал на себе взгляд отца: грозный, требовательный, но в то же время просящий, и поэтому трепыхался, трепыхался до тех пор, пока не начинало рябить в глазах...

Ира Ивановна тоже стала рассказывать, как она под руководством матери шила на продажу платья из парашютного шелка, скорее похожие на мешки, чем на платья.

– Ну, то были другие времена, – вздохнула Смирнова. – Мы не пожили, так пусть хоть наши дети поживут. Мы сейчас уйдем, сынок.

— Я же не заставляю его ковать лемех, — сердито сказал ученый. — Я говорю об элементарной вежливости и уважении ко взрослым. Мог бы хоть постучать, прежде чем войти.

Славик даже рот раскрыл от удивления:

— Постучать?

— Да! Постучать!

— Может быть, еще сделать книксен?

— Может быть.

— Ну вот что, — сказал Славик. — Хватит. Вы водку пьете, а мне надо заниматься.

— Что?! — взревел ученый. Он рванулся из-за стола, опрокинув на пол тарелку с яичницей.

— Но ребенку в самом деле надо заниматься, вот он и волнуется, — примирительно заявила Ира Ивановна.

— Пусть занимается в спальне! — заорал глава семьи.

— В спальне слышно каждое слово, — спокойно сказал молодой Погребенников. — Тут текст в двести строк надо зубрить, а вы бубните про каких-то Ваньку, Петьку да Люську. И вообще, у вас воспоминания...

— Ах ты!.. — опять рванулся энтомолог и опять свалил тарелку, теперь уже с огурцами.

— А ты накрайся с головой одеялом, — не подумав, посоветовала мама Погребенникова.

— Одеялом? — Славик даже опешил. — То есть как это одеялом?

— А так! — закричал пapa Погребенников. — Как мы занимались! В комнате десять человек! Один поет, другой храпит, третий на гитаре жарит. А у тебя завтра экзамен! Понял? Экзамен! Не какие-то дурацкие двести строк, а экзамен по диамату! Вот ты залезешь под одеяло, накроешься с головой, включишь фонарик и зубришь! И между прочим, сдаешь на «отлично»!

— Не те времена, — сказал молодой Погребенников. — И между прочим, не тот пример. Я делом занимаюсь, а вы водку пьете.

Наступила немая сцена.

— В-о-о-он! — не своим голосом закричал пapa Погребенников и сделал попытку схватить со стола какой-нибудь увесистый, не наполненный едой предмет, но, к счастью, такой предмет не попался, и молодой Погребенников улизнул благополучно.

Смирновы засобирались на вокзал.

— Ничего особенного не произошло, — утешали они расстроенных Погребенниковых. — Современный ребенок. Акселерация. Сейчас у всех такие. У нас, наверное, тоже будет такой.

Выяснение отношений в семье Погребенниковых продолжалось далеко за полночь, однако ни к чему определенному не привело. Старшее поколение Погребенниковых считало, что уж один-то раз уроки можно было учить под одеялом, а Его Королевское Величество находил поведение родителей сегодняшним вечером «эгоистичным», «варварским» и «мальчишеским».

— Мне стыдно было за вас перед гостями, — заявил он в заключение.

В школу Славик ушел невыспавшийся, с красными глазами.

Однако на этом «смирновское дело» не кончилось. Вечером того же дня к Погребенниковым заявилась председатель родительского комитета Мария Степановна, энергичная женщина, страшно не любившая, когда ее перебивали.

— Я по поручению родительского комитета и педсовета, — сказала Мария Степановна. — Ваш сын получил по английскому двойку, и это срезало процент успеваемости класса на три сотых процента...

— Если вы наносите визиты по поводу каждой двойки... — начал папа Погребенников.

Виктор Степанович перебил Марию Степановну из самых лучших побуждений. Энтомолог хотел сказать, что ему очень жалко Марию Степановну, которая, не щадя своего времени и здоровья, обивает пороги не желающих заниматься. Ученый хотел даже заявить, что ему жалко бедную председательницу родительского комитета, которая и так засохла на своей лекторской работе, а тут еще эта нагрузка... Более того, папа Погребенников, которому Мария Степановна была симпатична, хотел даже сделать ей комплимент в завуалированной форме: у него была своя особая система говорить комплименты женщинам в присутствии жены, вроде бы и комплимент, а вроде бы и грубоватая шутка — приятно, но придраться не к чему.

Виктор Степанович перевел дыхание и собрался было уже продолжать, но тут Мария Степановна наставила на него огромные, дымящиеся синей дымкой на худощавом лице глаза (папа Погребенников именно ее глазам хотел сделать комплимент) и резко сказала:

— Не по поводу каждой двойки, а по поводу из ряда вон выходящей двойки, говорящей о ненормальной обстановке в семье.

— Как это понимать? — страшно удивился ученый. Комплимент выветрился из его головы. (Папа Погребенников хотел сравнить глаза Марии Степановны с дымящимися вулканами. Вроде бы и лестно, а вроде бы и кто его знает.)

— Согласитесь, что это не совсем прилично: самим пить водку, а